

Отзыв на автореферат диссертации на соискание
ученой степени кандидата философских наук
«Влияние гуманистического знания на развитие
естественнонаучного дискурса в эпоху Возрождения»

У.С.Струговщиковой

Диссертационное исследование, насколько можно судить по автореферату, интересно, на мой взгляд, тем, что в нем проводится не только анализ исследовательских практик в эпоху Возрождения, но показывается на конкретном материале становление задач образования. Такая постановка вопроса делает диссертационное исследование весьма актуальным в свете нынешней его важности. Эту проблему в нашей стране никто не поднимал в том масштабе, в каком это сделала соискательница, которая не только обратила внимание на специфические образовательные программы XV – XVI вв., но и на то, в чем именно состоят различия между трансляцией знания в Средневековье и Возрождение. (К сожалению, автор считает Возрождение и Реформацию однородными, синонимическими понятиями, не делая в автореферате попытки обосновать этот взгляд). В Средневековье транслирование знания осуществляли, как говорит Струговщикова «текущие кадры», которые в XIII – XIV вв. были представлен не только университетами, сформировавшими вопрос-ответный схоластический метод, с опорой на оригинальные тексты, не только школы, принимавшие странствующих магистров и школяров, но и ремесленно-торговые корпорации, «запускающие, - как пишет У.С.Струговщикова, - ценные артефакты» (с.17), каковыми являлись новые технологии, книги и приборы. При этом акцент в обучении делался на повторении и заучивании признанных истинно верными положений. На смену такому знанию, зависящему от признанного авторитета какого-либо учителя, в XVI в. приходят стандартизованные учебники (грамматики, медицины и пр.). При этом создаются фиксированные учебные планы, происходит систематизация знания, ведущая к образованию новых научных дисциплин (например, химии) и открытию большего, чем прежде, количества кафедр в университетах и академиях (см. с.20). В целом это свидетельствует о повышении спроса на образование. «Образовательный поворот» связан не столько с отказом от прежнего «книжного», как его называет автор, мышления (с.20), сколько с принятием его полилогичности, ведущей к созданию литературных жанров, среди которых немалая роль отведена естественнонаучному дискурсу и научно-публицистической форме письменного изложения, делающего доступными для широкой публики изыскания ученых. Это привело к признанию равноправными разных логических систем, например, новой «математической коперниканской» и старой системы аналогий и соответствий. Дебаты, о которых пишет соискатель, между двумя медицинскими традициями – Галена и Парацельса – яркий тому пример. Вообще, повторю, конкретный материал, анализ споров между «естественниками» и гуманистами, переданы в самой диссертации точно и внимательно, автор подчеркивает возникающее двуязычие гуманистов, направивших внимание одновременно и на изучение древних языков и древности в целом, и на создание национального языка, с помощью которого осуществляется социальное расширение процесса образования. Такая внимательность редка, а потому требует особого упоминания. Автор и сам владеет и древними, и современными языками, потому исследование чрезвычайно фундировано. Анализ учения Парацельса, который, хотя и является действительно одной из значительных персон XVI в., однако в литературе практически не исследован, весьма оригинален уже тем, что показывает отсутствие всегда намечаемой прежними исследователями жесткой границы между гуманистическим и натурфилософским знанием. Объединение Парацельсом университетской теоретической медицины и цеховой практической имело впоследствии широкое применение в лечебной деятельности в целом, а понимание им природы как лаборатории, где человек является главным оператором, намечает ориентиры для будущих теоретико-методологических разработок. Продуктивно и сравнение учений Парацельса и Николая Кузанского о

человеке как «носителе невоспроизводимого личностного знания». Это сравнение – пример того, как происходило «событие встречи» разных «когнитивных систем» при внутренней, как пишет соискатель, «"автопоэтической" сопряженности в процессах становления научности в культуре ХУІ в.», обнаруживающее невозможность игнорирования «личностного знания» как «одного из необходимых условий для конструирования того конкретного "коммуникативного автопоэтического" контекста, в котором рождается наука» (с.25). Автор тем самым действительно обнаруживает себя последователем личностного подхода к науке М.Полани, дополняющего, на его взгляд, концепцию интеллектуальных сетей Р.Коллинза. Работа выполнена вполне квалифицированно и добросовестно, она вполне может быть использована в дальнейших научных междисциплинарных изысканиях.

Однако к автореферату можно предъявить и некоторые претензии, которые, прежде всего, касаются малой репрезентативности и аналитических методов, и самого привлекаемого материала: выше о некоторых важных методологических особенностях диссертации я писала, опираясь, помимо автореферата, на глубокий доклад Ульяны Сергеевны, сделанный в секторе философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии. Мне кажется также, что определение новизны диссертационного исследования в автореферате через привязку ее к постнеклассическим исследованиям не усиливает, а снижает его актуальность, которая состоит во внутренних научных, гуманистических коллизиях ХУІ в. и обнаруживает их уникальность и особость. Восприятие «когнитивных практик прошлого как составной части постнеклассической рефлексивной рациональности» не снабжает нас «необходимым инструментарием для диалога с прошлым», а – наоборот – отнимает этот инструментарий, потому что он не столько выявлен, сколько подстроен под современность (см. с.3 – 4). Эта игра в поддавки у автора явно присутствует, поскольку он говорит, что «человечество уже переживало в чем-то подобное нашему времени», но это свидетельствует против уникальности Возрождения. Человечество всегда переживает что-то подобное нам, на то мы и люди, вот только определения этих людей, практик этих людей, какими бы они ни были (духовными, научными, гуманитарными), разные. Автор настаивает на том, что возникали некие новые смыслы (акцент на поиски не истины, а смысла для него весьма существенен), но их в автореферате не столько раскрывает, сколько постулирует, не ставя вопроса о том, что для науки все же в отличие от гуманитаристики важен истинный результат поисков. О смысле введенного понятия «гуманистическое знание» в автореферате можно лишь догадываться. Ссылка на то, что этот термин привлекается как противовес понятию «гуманитарное знание», оставляемое для современных контекстов (см. с.5), его не проясняет. Неясно также и значение термина «дискурс».

Смысл опоры на исследование Р.Коллинза в автореферате не слишком ясен, поскольку автор не показывает, как оно непосредственно работает в анализе им источников, ибо в автореферате нет речи о конкретных «интеллектуальных ячейках» из 5 – 7 ученых, которые задали бы «новый научный вектор» (с. 9). Спор между двумя учеными (Парацельсом и Николаем Кузанским, Галеном и Парацельсом) есть, но это анализ разновременных методов и методик, а не методов и методик 5 – 7 современников.

Есть и стилистическая неряшливость. Меня, например, озадачили фразы о том, что в дискурсах разных сфер научного знания «к лидирующей позиции пробивается математика» (с. 21) или что личность Парацельса была *антимассовой* (с. 22) – тут что хочешь, то и понимай!

Однако, повторю, все эти огрехи – огрехи хорошего исследования, автор которого вполне достоин ученой степени кандидата философских наук.

Главный научный сотрудник Института философии РАН
доктор философских наук

Неретина С.С.

Подпись Неретиной С.С.
ЗАВЕРЯЮ:
Зав. отделом кадров Института
философии РАН Екратов

